

Алексей Будищев

Петруша Рокамболь

Алексей Будищев
Петруша Рокамболь

«Public Domain»

1910

Будищев А. Н.

Петруша Рокамболь / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1910

ISBN 978-5-04-006062-7

«В двенадцать лет он уже был большим фантазёром, этот Петруша. В эти годы он особенно увлекался Майн-Ридом, Густавом Эмаром, Купером, Понсон дю-Террайлем. И любил воображать себя красивым отшельником „Красным кедром“, неустрашимым исследователем диких пустынь, всегда среди опасностей, среди приключений. Под впечатлением „Похождений Рокамболя“ он нередко воображал себя и обольстительным жуликом. Он был единственный сын своих родителей, и до поступления в гимназию его детство текло в одиночестве. Может быть, эти-то одинокие игры и изощрили его фантазию до болезненности, ибо товарищей игр, так необходимых в детском возрасте, ему приходилось лишь воображать. Может быть, в силу того же одиночества его и потянуло так необузданно к чтению...»

ISBN 978-5-04-006062-7

© Будищев А. Н., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алексей Будищев

Петруша Рокамболь

I

В двенадцать лет он уже был большим фантазёром, этот Петруша. В эти годы он особенно увлекался Майн-Ридом, Густавом Эмаром, Купером, Понсон дю-Террайлем. И любил воображать себя красивым отшельником «Красным кедром», неустрашимым исследователем диких пустынь, всегда среди опасностей, среди приключений. Под впечатлением «Похождений Рокамболя» он нередко воображал себя и обольстительным жуликом. Он был единственный сын своих родителей, и до поступления в гимназию его детство текло в одиночестве. Может быть, эти-то одинокие игры и изощрили его фантазию до болезненности, ибо товарищей игр, так необходимых в детском возрасте, ему приходилось лишь воображать. Может быть, в силу того же одиночества его и потянуло так необузданно к чтению.

А ко времени поступления в гимназию сложилась уже привычка играть одному, пользуясь лишь условиями собственной фантазии. Не хватало умения ладить с новоявленными товарищами, а это опять-таки невольно толкало к одиночеству.

И с каждым годом он всё более и более уходил в свой сказочный мир. В зимние, долгие вечера, когда он засыпал, утомлённый суетою дня, его детскую кроватку окружали, таинственно выдвигаясь из сумрака, целые вереницы лиц. Хитро скалили зубы похожие на маски лица индейцев, с разноцветными перьями у темени. Скрестив на груди руки, мрачно вглядывался в зловещую даль морской разбойник. Адски хохотал бесстрашный Зверобой, потрясая широким, кривым ножом. Крался вдоль стенки обольстительный Рокамболь в чёрных шёлковых чулках и с изящным кинжалом у пояса.

Плотнее прижимаясь к подушке пылающей, отяжелевшей от видений головой, Петруша, наконец, засыпал. И всё-таки видел сквозь дымчатый сумрак дрёмы. Вот отважного золотоискателя-португальца, дон Хозе-Марию-Сальвадора, сонного, окружили команчи, хитрые, как шакалы, неслышные в движениях, как тигры в возвышенностях Корро. И, весь вздымаясь с подушек, Петруша бормотал заплетающимся языком:

– Скорее берите ваш штуцер, дон Хозе, скорее ваш штуцер!

И от сильных жестов падал с кровати на пол, пугая мать.

Его звали Петруша Баранов, этого мальчика; но в эти годы, когда его никто не видел, он любил подписываться так:

Пётр-Симон-Барандос, капитан вольных стрелков Техаса.

Или ещё так:

Натипак-Ртеп-Вонараб.

Изорвав бумажку с таким росчерком в мелкие клочки и весь розовый от счастливой выдумки, он всё-таки бежал к матери и возбуждённо сообщал ей:

– Мама, угадай, что это такое значит: Натипак-Ртеп-Вонараб?

– Ничего не пойму, – недоумевала мать.

С хохотом он кричал:

– Натипак Ртеп Вонараб – это значит – капитан Пётр Баранов, если прочитать каждое слово наоборот. Правда, хорошее имя для капитана вольных стрелков Техаса? Ртеп Вонараб? Мамочка!

Какова была сила воображения у крошечного Петруши, можно судить по следующему случаю.

Однажды, когда Петруше было всего восемь лет, мать как-то прошла мимо него в то время, как он таинственно крался из одного угла детской в другой. Петруша горько и безудержно расплакался.

– О чём ты? – обеспокоенно бросилась к нему мать.

– Да... о чём... – горько хмыкал носом и губами Петруша. – Сейчас ты спугнула целое стадо антилоп... а я три дня... не ел...

– Милый! Котик мой! – мать осыпала щёки Петруши поцелуями, тормошила его за плечи, прижимала его к груди. – Милый! Котик! Ведь ты сейчас кушал телячью котлетку! Хочешь, я сделаю тебе твою любимую яичницу?

– Не х... не х... хочу! Вяленую анти... анти... лопу... х... хочу! – плакал Петруша.

Ах, как вкусно мясо антилопы, слегка проявленное на солнце и затем хорошо просушенное под седлом техасского наездника! Ах, какая же яичница может сравниться с этой снедью!

Петруша плакал долго и горько. Мать хотела утешить его.

– Ну, позабудь об антилопах, ну, голубь мой! Вон взгляни: под кроватью тапир!

Но Петруша не унимался.

– Тапи... тапиры живут не под... кроватью, а в камы... в камышах!

– Ну вот в камышах под индейской пирогой тапир! Взгляни же! – утешала его мать.

Петруша перестал плакать, хотя в его горле что-то прыгало.

– Дай шту... штуцер! Мамочка!

В третьем классе, когда пришлось усиленно работать над алгеброй, над латинским языком, и надо было во что бы то ни стало одолеть букву ять, Майн-Рид и Эмар забылись, и фантастические образы потухли у детской кровати, как догоревшие свечи. Смерклось в детской.

По ночам Петруше стали сниться переэкзаменовки – тонкие, как лезвия ножа, женщины, со сморщенными жёлтыми лицами и длинными языками, похожими на жало. Стали сниться двойки. По утрам он иногда говаривал матери:

– А я, мамочка, сегодня опять видел во сне двойку по алгебре!

По врождённой привычке пожимая худенькими плечами и покачивая головою, он добавлял:

– Эх-ма, плохо моё дело! Эх-хе-хе-хе!

А ночью опять приходили к изголовью переэкзаменовки с тонкими сплюснутыми лицами.

Они покачивались возле на каких-то зловеще-скрипучих качелях, высовывали жало-подобные языки и переихихивались короткими, но сердитыми смешками. Точно стая змей ползла в пересохшем, шуршащем валежнике.

Дразнили Петрушу, жалили, щекотали тело холодными пальцами эти назойливые призраки.

За недосугом, под вечным страхом провала на экзаменах, пришлось оставить все книги, кроме учебников, и за три, четыре года Петруша, пожалуй, поотстал в развитии. И тут, когда Петруша посещал уже последний класс гимназии, а его верхняя губа матово оттенилась тонким пушком, над городом разразились события, одно другого головокружительнее, пробудившие из оцепенения сознание Петруши, замороженное скучными учебниками.

Чтобы не отставать от товарищей, Петруше вдруг, неожиданно-негаданно, пришлось бастовать. Затем – посещать бурные митинги. Спорить, нападать и защищаться. И, наконец, услышать об экспроприации с революционными целями в губернском казначействе их городка.

Пришлось, и опять-таки наспех, наскоро, познакомиться при помощи пятикопеечных брошюр со всевозможными политическими партиями, и речь Петруши запестрела ранее неслыханными терминами.

«С.-р.», «с.-д.», «платформа», «товарищ», «шпик», «произвол» – без труда научился выговаривать язык. Сердце зажгло так безудержно новыми симпатиями и новой ненавистью, и задремавшая под скучный шелест учебников фантазия проснулась от грохота событий. Само собой разумеется, что бывшие страхи перед переэкзаменовками исчезли, яко дым. Захотелось невероятных дел, подвигов, приключений, когда-то давным-давно пережитых в детстве в фантастических битвах с команчами, в сказочных охотах за черепами.

Как-то встретившись в большую перемену с восьмиклассником Верховлётовым, который носил очки и поэтому считался лучшим толкователем Бебеля, Петруша спросил его:

– Надеюсь, в твоих жилах течёт самая настоящая кровь, а не маниловские слюни?

Верхолётов кивнул головой.

– Надеюсь. А что такое?

– У нас проектируется маленькое дельце, – хмуро сказал Петруша и слегка побледнел.

– Оно обмозговано партией? – осведомился Верховлётов почтительно.

Петруша опять чуть-чуть сконфузился и по привычке пожал худенькими плечами.

– Нет, оно задумано одним лицом за свой страх и совесть!

На его щеках выступил слабый румянец.

– У-гу, – поддакнул Верховлётов, сжав губы трубкой. – И я могу понадобиться на это дело? – спросил он затем.

А Петруша весь точно воспламенился. Стукнув себя в грудь кулаком, со слезами на глазах и с дрожью в голосе он выкрикнул:

– Не всё же нам быть кисейными барышнями революции! Люди гибнут, жертвуют собой, а мы... мы...

Он не договорил, задохнувшись, и пошёл прочь от Верховлётова, застыдившись выползших из глаз слёз.

– К чёрту кисейные мармеладки! – думал он. – К чёрту!

Домой возвратился он возбуждённый, как и всегда в эти последние дни, точно ужаленный самыми невероятными замыслами, поминутно загораясь необузданною грёзою. Два дня, однако, он боролся с соблазном, видимо, каким-то инстинктом чувствуя смертельную опасность. Но боролся не напряжённо. Сердце в эти минуты мечтаний билось так благородно, а молодая грудь так непреодолимо рвалась к самой кипучей жизни и к самым невероятным приключениям, что отнестись к задуманному критически прямо-таки не приходило в голову.

Инстинкт замолчал, испепелённый пылкостью фантазии. Петруша решился действовать и послал к Верховлётову с горничной Наташей записку следующего содержания:

«В борьбе обретёшь ты право своё».

«Дорогой товарищ! Приходи сегодня ко мне в семь часов вечера попить чайку. Один на один я изложу тебе некоторый замысел одного лица, если в твоих жилах кровь, а не клюквенный морс. Жду!

Твой П.Б.»

Отправив письмо, он долго бродил у себя в комнате, возбуждённо потирая холодеющие ладони. В его голову толкалось:

«А ведь это начало самого настоящего заговора? Значит, я заговорщик? Да?».

И румянец вспыхивал на его щеках. Наполовину – от удовольствия, наполовину – от жуткости.

Наташа вернулась с ответом не скоро, и Петруша, весь сгорев от ожиданий, вырвал из её рук ответную записку, едва не свихнув ей пальцы. Вот что писал в ответ Верховлётов своему другу:

«Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

«Товарищ! Ты знаешь, что я принципиально против всяких бурных выступов. Придти же к тебе пить чай не могу, так как отозван на шоколад к Образцовым. Понятно, мою записку предай пламени.

Твой Т.В.»

«Трус, – подумал Петруша, дочитав до конца записку Верхолётова, – шоколад Бормана, а не сознательный гражданин!»

И в его глазах выступили слёзы досады, беспомощности и тоски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.